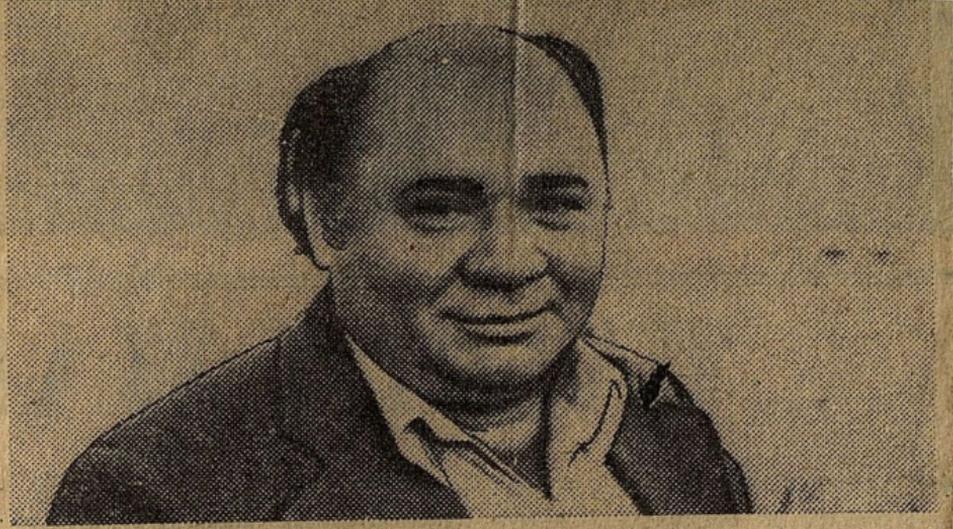

«Комсомолец»
7. Ульяновск
1944, Осень

Евгений Леонов: ДОКАЖИ СВОЕ ПРАВО НА ПОИСК

С популярнейшим актером советского театра и кино Евгением Павловичем Леоновым мы встретились в фойе театра им. Г. Сундукяна. У него сегодня нет репетиции, но он пришел, чтобы ознакомиться со сценой, залом, свыкнуться с новой обстановкой.

— В Армении я второй раз, — рассказывает Евгений Павлович. — В 1972 году мне довелось побывать в Степанаване, на съемках фильма «Гонщики», где я играл интересную, сложную, не без элементов комизма, но в общем драматическую роль механика Ивана Кукушкина.

Еще тогда суровая, скупая прелесть армянской природы, строгая сдержанность и величие гор произвели на меня огромное впечатление. Было жаль, что не удалось подольше погостить в Ереване.

Прошло пять лет, и вот я в столице Армении. Не успел еще хорошо познакомиться с городом, но ощутил уже своеобразие его архитектуры. Я с радостью обнаружил, что у меня в Ереване немало добрых друзей. Только что я шел пешком из гостиницы сюда, в театр, и десятки незнакомых людей улыбались мне, сердечно здоровались. Хотелось бы надеяться, что ереванцам понравится моя новая театральная работа — в чеховском «Иванове».

— Евгений Павлович, Ваша творческая биография связана с работой в кино и в трех очень разных и по направлению московских театрах — им. Станиславского, им. Маяковского и, наконец, им. Ленинского комсомола. Скажите, кто из актеров и режиссеров, с которыми Вам доводилось работать, оставили наиболее яркий след в Вашей творческой биографии?

— Самые яркие впечатления связаны с работой в театре имени Станиславского под руководством замечательного мастера сцены Михаила Михайловича Яншина — моего первого учителя. Он помог мне найти тот главный принцип творчества, который я до сих пор считаю основным; постоянно проверять свое искусство через жизнь. Он учил, создавая характер, окрасить его своим чувством, жизненным опытом, наблюдениями: ведь образы так же неоднозначны, как и люди...

Много интересных, запоминающихся встреч было у меня и в мире кино. Хейфиц, Столпер, Рязанов, Даниеля, Мельников, Дороница, Ульянов, Джигарханян — режиссеры и актеры очень глубокие, жизненные, откровенные в своем искусстве. Их опыт обогащает нашу актерскую школу. Умер Симонов, нет с нами Яншина, Тарасовой, Шукшина, но актерские достижения, откровения, высокая человечность их искусства.

— Вы снимались более чем в пятидесяти фильмах, играя одновременно в десятках спектаклей. Не трудно ли перестраиваться по ходу — ведь театр и кино различны по специфике.

— Да какая там специфика, — протестующе машет рукой Евгений Павлович, — главное уметь чувствовать, думать — и на сцене, и перед камерой. Впрочем, если и есть трудности, то в переходе от одной роли к другой. Лично мне театр дороже, чем кино: здесь постоянный, сложившийся коллектив, где ак-

тер формируется, воспитывается, проверяется. В кино я обычно приношу то, что удалось в театре.

— Ваши любимые работы в кино и в театре?

— Каждая роль оставляет след в душе. Я был счастлив сыграть Ивана Приходько в «Белорусском вокзале». В этом образе меня особенно привлекла красота и многоплановость характера: Иван никогда не ощущает себя «на пьедестале», он простой труженик, и таким остается до конца, хотя впоследствии и выясняется, что и в послевоенной, «негероической» действительности он — подлинный герой. Наверное, вот так же, просто и буднично, он совершал большие подвиги на войне...

С большим удовлетворением вспоминаю работу над интересным, противоречивым и очень жизненным образом Сарафанова в фильме «Старший сын» по одноименной пьесе замечательного советского драматурга Вампилова.

Из моих театральных работ мне особенно дороги образы Лариосика в «Днях Турбиных», Ванюшина в «Детях Ванюшина», Санчо-Пансы в «Человеке из Ламанчи», а также моя последняя роль — Иванова.

— Перечисленные Вами роли почти все драматического или трагикомического плана. Как Вам удается сочетать работу над такими образами с традиционным амплуа комика?

— Я никогда не уважал актеров одного творческого плана. Если даже за актером и закрепляется — в сознании зрителей, критиков — какой-то определенный типаж, на мой взгляд, самое важное — оторваться от этого типажа, доказать свое право на поиск. После ряда фильмов, где я играл комических персонажей («Не имей сто рублей», «Повесть о молодоженах», «Москва — Черемушки») меня особенно обрадовала роль казака Якова в «Донской повести».

Надо сказать, что такое стремление свойственно многим актерам. Взять, хотя бы, Гамлета и князя Мышкина Смоктуновского или Ульянова, которому совсем недавно блестяще удалась попытка «опрокинуть» себя в искусстве: после директора завода он сыграл Ричарда.

— Видимо, взявшись за роль Иванова, Вам тоже пришлось «опрокинуть себя»? Расскажите, пожалуйста, о работе над этим образом.

— Чехова сейчас ставят много и по-разному. И это хорошо: может быть, кому-нибудь удастся приблизиться к истине. Я говорю приблизиться потому, что известно, сколь трудно ставить и играть Чехова.

В нашем спектакле мы во многом исходили из чеховского тезиса: «Я не вывел в этой пьесе ни одного ангела, ни одного злодея, никого не осудил и не оправдал». Мы пытались отказаться от ставшей традиционной трактовки Иванова как образа исключительного, хотелось сыграть не уцененного Иванова, но Иванова — личность, повернуть героя лицом к своему времени.

Актер честный, искренний в своем искусстве, Леонов всегда стремится дойти до самой сути образа — сути, в которой заключается живое, трепетное человеческое содержание.

Беседу вела
М. Вартамян.